

Посвящаю дочерям и моим ба

Ведение

Я – «серая».

И это не прозвище.

*Правка, спустя четыре месяца: кажись и прозвище! Винить Фигуристку.

Что происходит, что ещё за новая чёртова палитра, спросите вы, но обо всём по порядку.

С детского сада до десятого класса школы я смотрела на «золотых» детей – их таланты и славу, старания и успехи... Хватит – закрыла глаза. Я не смастерила из себя куклу похожую на них. Зря примеряла чужую жизнь, как пальто с запахом. Не знала, как выглядел мир вне стен моей комнаты, и, отчаявшись, забывала про реальность с интернет-кумирами.

Столько лет я подстраивалась под грёбаную «золотую» систему, и больше не желаю, не хочу. Но, как назло, Золотое Крыло дало последнюю попытку выделиться – записать мои стихи в блокнот, на обложке которого портрет Бродского, показать школе – и я талант. Мигом поменяю серый пиджак на золотой, и достойная жизнь, по их словам, постучит в мои двери, будто за углом она стоит и только этого и ждет.

Стоп. Понесло. Для начала – почему я когда-то попала в Серое Крыло школы, а не в Золотое? Ответ лежит на полочке в душе, где ж еще, как не во мне. Открываю – запылится.

И да, меня зовут... К чему имена? Лучше представить того, кто во всем виноват.

Прошлое

1

Познакомьтесь – Дух Противоречия.

Впервые он показал свое страдальческое лицо, и мы пожали руки, когда десятки прожекторов-глаз смотрели на меня в комнате без окон. Облаком с комочками стоял запах манной каши, а я сидела перед людьми из комиссии и не чувствовала пальцы на ногах в оковах тесных красных туфель.

Дяденька в черном костюме с золотыми карманами и манжетами ёрзал пятой точкой на маленьком стульчике. Большой так и не принесли. Пыхтел в усы, чёркал что-то ручкой на бумаге и показывал указательным пальцем на часы. Мистер занятой всезнайка. Воспитатель в настоящем облике, она – оборотень, поправляла ватной палочкой растёкшуюся помаду за край губ. Шептала, пачкая ухо: «Сейчас же говори».

Думаю, с первой проверки речи и памяти, приказа говорить – я замолчала. Дух Противоречия явился тут как тут, хотя его не ждали, а комиссия, уходя, смотрела так, будто ставила печать, блокировала негодный товар.

В детском саду, как только дети «прошли адаптацию», по-другому – вечный ор, воспитатель выдала всем по смартфону.

государство заботиться о вас

И научила включать каналы детских видеоблогеров, для их просмотра в саду отводилось специальное время. Креативные ребята при помощи родителей снимали зарисовки на разные темы, и называлось это – влог. Videоблогеры стали кумирами, жизненной средой, на которую я променяла улицу (и не заметила бы, не вспоминая мама своего детства). Разве возможно было оторвать, отлепить от маленьких ручек железный прямоугольник, который светил всеми красками и пел на разных языках?

#распаковка обзор новых игр челлендж догадайся кто внутри обычная еда против мармелада режем лизуна путешествуем по миру удивительные животные места еда мама против папы кто быстрее проглотит жгучую смесь день рождение на островах Маша собирается на вечеринку для принцесс Витя остался один дома влог мама с дочкой в парке Германии встреча с подписчиками в четыре года миллионы просмотров за день привет привет пока

пока подписывайтесь на канал и ставьте палец вверх

Я водила пальчиком по сенсорному экрану смартфона, сидя на горшке после обеденного сна. «Дети-блогеры – это новое поколение творческих, свободных личностей, какими должны быть и вы», – учила воспитатель и красила губы, она постоянно это делала – такой вид женщины. В тот день по плану – мини-спектакль. Воспитатель входила в новую роль – медсестры. Застегивала белый халат, поправляла на голове низкий пучок, чтобы как влитая села медицинская шапочка. Вы не поверите, кем она только не была – Красной Шапочкой, Крошечкой-Хаврошечкой, Крокодилом Геной. И главное, что нам – детям она не нравилась уже просто Светой. Сценарий гласил – медсестра спешит на помощь, дети открывают рот, показывая миндалины. Свет! Камера! Мотор! Начали! Градусник под мышку, стетоскоп к спине, всем по аскорбинке и в постель. Загружали в сеть, считали хором лайки, просили писать в комментариях к видео: «Понравилась ли вам игра?» Все эти видео хранились в записи на компе, но притерлись, надоели, и со временем не хотелось пересматривать их.

Игры в саду проводились раз в неделю. Мы ждали их, переспрашивали, сто раз на дню, о ком будет видео, кто в главных ролях. У воспитателя не хватало терпения отвечать на эти вопросы, да и фантазии тоже, чтобы придумывать сценарии. Мне кажется, она проклинала новое введение, этакое творческое мастерство, копировала у других, переписывала на собственный лад. И выходило, по секрету, ниже среднего. Не только ж у детей должен быть к чему-то талант.

После дня в саду мама заворачивала меня в тридцать пять слоёв: футболка обычная, толстые колготки до груди, флисовая поддева, так нынче нужно, ещё кофта, шапка-шлем, шарф до глаз, дутый комбинезон. Я понимаю, что на улице не жалел мороз и заставлял снег скрипеть под ногами. Но вы не подумайте, мы жили не на Северном Полюсе. Пять часов вечера – страшное время. Толпа мамаш с детьми на санках бежали, будто бы наперегонки в «подготовишку», на занятия и тренировки – кто куда.

скорей, скорей, скорей

«Что ты кушал?» – «Хлеб». – «И всё? Вот зараза. За что я деньги плачу? Опять подняли плату за месяц, уже тысяча шестьсот! Ну, попроси у меня конфету». – «Там был суп с этим противным тестом. Я его ненавижу. Ну, ма-а-

ам, дашь конфету? А булочку купишь?»— слышалось рядом на беговой дорожке. Затормозили, не опоздали, но и не пришли первыми. Мама снимала шапку дрожащими руками, вытирала пот на лбу, причитала: «Не дай бог заболеть». А в группе развивающего центра новые лица, и все вместе, поехали: рисунки, лепка, песни, счет и речь. «Др-р-рова», – да так, чтобы кончик языка подняли к нёбу, но не дотрагивались до него. «Широко раскройте рот, улыбнитесь. Языком вправо-влево по внутренней стороне зубов».

Обратно завернули те же руки – и на танцы.

бегом, бегом, бегом

«Деми плие, гранд плие... Девочка должна держать осанку и чувствовать ритм», – говорила молодая танцовщица, которой родители подарили студию танцев. Я помню, как бесило это маму, и мы пробовали, бились, как мотыльки в закрытое стекло, два года подряд попасть в группу государственной хореографической школы, «хоть не такие деньги платить», но колени упорно не желали касаться пола в упражнении «лягушка». И сколько не пробовали тянем-потянем на шпагат – не растянули, а значит: «Не гибкая, деревянная, довольствуйтесь, мамочка, обычными танцами»,– сказала нервно и в последний раз преподавательница из комиссии на хореографии.

Последний пункт без сил – домой.

Поднялись на третий этаж дома постройки восьмидесятых годов. В прихожей встречал старый шкаф с верхней одеждой, наверное, из той же эпохи, что дом. Двери, шкафа жили своей жизнью – открывались, сколько не закрывай. У них было две цели – заключить в объятия или же ненароком ударить в нос. На полу лежала плитка, которая редко бывала чистой, то белые разводы от снега, то песок, то сухая грязь кусками валялась. Мама терпеть не могла убирать, а отец пылесосил в том случае, если в чем-то провинился, а косячил он часто.

Напротив шкафа на контрасте – новые двери темного цвета, открывались, как в поездах купе, но за ними жил «срач», как выражалась мама, а по простому – кладовка. Баулы с летней обувью, если зима, и наоборот – сменяли друг друга. Валялись старые игрушки, которые жалко выбросить, но им уже изменили с другими давно. На верхних полках стояли трехлитровые банки с бабушкиными соленьями, и пустые хранились тоже на случай, если мама созреет что-то закрыть. И по мелочи: подарочные пакеты, не надо новые

покупать; старые ролики, кому-то отдать; сломанный пылесос, а вдруг заработает; инструменты, в которых вечно не хватает чего-то; веник; совок.

Ну, вот вы и зашли в «четырехкомнатную халупу», как называла мама нашу квартиру, где каждая комната делилась на главные зоны. Зал – просторная комната, делился на две. Первая – компьютерный стол с игровым джойстиком и наушниками. Вторая – кремовый угловой диван с большими подушками и плоским телевизором на стене. Остальное не так важно. Цветы на подоконнике засохли, мама забывала их полить. Тюль на окне висела с пятнами от лизунов, которые въелись беспощадно в ткань. Полки под телевизором ломились не от книг, а от дисков с фильмами и мультиками, но интернет и их заменил. Букинистика хранилась у бабушки, мама не хотела тащить пыль в дом. Новые же книги покупались в электронном варианте через планшет. Обои мазками под штукатурку покрывали стены зала, не храня следов от картин и фотографий. Далее налево, одна единственная без ремонта, даже косметического, кухня – главный стол и маленький телек, без которого не ели. Прямо по коридору моя комната – «аппендицит», так называла мама маленькую, узкую комнату в пять квадратов, куда еле поместились кровать и письменный стол. Как вы уже поняли, маминым хобби было называть вещи своими именами. Рядом находилась спальня – родительская большая кровать, но спала на ней только мама и редко отец; догадайтесь сами, почему? Последняя комната в конце коридора для гостей, можно подумать, как будто кто-то оставался у нас ночевать, стала потом комнатой сестры – светлее, просторнее, «ей просто повезло», чем у меня.

После того, когда мы прошли все квесты по городу, мама готовила что-то на скорую руку и ложилась на диван, вытягивая ноги. Не шевелилась – лень. Только палец пролистывал ленту прошедшего дня в телефоне, а я рядом сидела и жевала, не чувствуя вкуса. Мама искоса поглядывала на меня, бормотала: «Включай телевизор. Смотри не переверни тарелку на диван. И так страшный – не отстирывается».

Отец приходил с работы, и встречал его мамин настороженный взгляд. Она следила за жестами и мимикой отца добрых минуты две. Не выдерживала: «Пил?» Отец, как и мы, хотел расположиться в своей зоне спокойствия без драм. Вид его словно говорил: «На сегодня хватит. Даже если и выпил, то что?» – «Иди, посмотри на свои глаза в зеркало!», – сердито сквозь зубы говорила мама. На меня же эти глаза смотрели с добротой и любовью, иногда

даже со слезами, но в этом случае мама говорила: «Водка плачет».

Маленькой я до конца не понимала, что же так сильно выводило маму из себя при виде отца. Для меня отец был добрым, большим, лохматым медведем – весил он ближе к сотни, носил бороду и выпирающий животик. Я прыгала к нему на колени – плотные качающиеся острова, и по игре – прибывала туда после длительного путешествия, где меня настигал ураган. Крепкие руки держали за плечи, а ноги бросали в разные стороны, от чего я заливалась смехом. Отец подстригал мне ногти – эта важная миссия отчего-то особо нравилась ему, расчесывал волосы, отводил в детский сад, укладывал всегда спать, делая массаж «рельсы-рельсы, шпалы-шпалы» и «семерочку» на ступнях. От «семерочки» щекотно, приятно, мурашки – всё вместе, и я больше всего ждала, когда отец брал мою ногу своей мозолистой ладонью. Он первый понял, что я не соображаю в математике, дуб дубом, потому что занимался со мной, и благодаря его упорству, пусть отец иногда и срывался на крик, я хоть что-то начала понимать в вычислениях и задачах.

Выходные проходили в «аппендиците» и редко на улице с семьей, мама работала два через два, и только на второй день выходного вставала с постели и начинала приходить в себя – готовить, тряпочкой махать по пыльным полкам. «Аппендицит» был мне и крепостью-шалашом, и поляной с цветами.

не выходи из комнаты, не совершай ошибку

После выходных проводилась ревизия – поиск скрытого таланта. Так приказало руководство Золотого Крыла школы, с которым мы познакомились ещё до первого класса – дети в обязательном порядке ходили на подготовительные занятия. Мама-поисковик надеялась найти в моей комнате среди хлама одежды и кучи развивающих тетрадей – шедевры живописи, уникальные рукописи, новое изобретение. Хоть что-то, чтобы потрясло человечество и автоматом зачислило к «золотым». Увы и ах. По заказу не работала, не рисовала, разве что кривоватый дом. Не писала, не считая бесконечных прописей и заданий: «Помоги щенку добраться до косточки. Соедини цифры по точкам в порядке возрастания. Выполни графический диктант. Раскрась. Сравни. Прочти. Додумай. Допиши. Сложи. Придумай. Открой новое. Сделай невозможное».

Вспоминая последнюю садовскую проверку, как на фотографии с повышенной зернистостью, я вижу лицо мамы и руки, которые она заламывала,

кусая клыком нижний край губы. Мама с оборотнем-воспитателем заставляли рассказать этому же дядьке стих, который мы учили: «Дело было вечером, делать было нечего». Вот именно, делать мне нечего рассказывать злым усам что-то. И в тот день я не произнесла ни слова. Заявление: «Гимназия №126. Крыло «серых». Талантов и особенностей – нет».

Дух Противоречия поставил стулья и удобно уселся во мне.

Настоящее

1

Апрель

Наступала оттепель, и сосульки на крышах домов выбирали жертву, чтобы упасть на голову. Переливы воды играли в лучах солнца, звали себе в команду снег и создавали кашу на дорогах. Птицы распевались, репетируя концерт. Я вышла в реальный мир из окопа времен войны, а точнее от репетитора по истории, перепрыгнула три лужи, пошевелила пальцами ног в уггах – мокрые. Сняла ненавистную шапку, расстегнула надоевшую парку и услышала – плачь.

За железными боками грязно-красного гаража толклась компания «золотых». Желтоволосяя девчонка отступила, снимая рюкзак с плеч, и я увидела, как «золотые» скармливали Толстопузой дебелую сосульку размером с бабушкину скалку. Свело зубы. Парни давили на щёки, Вожак засовывал кончик ледышки ей в рот, девчонки смеялись и озирались по сторонам. Мой взгляд встретился с Желтоволосой, но, цокнув жвачкой, она отвернулась.

– Эй! Отвалите от неё! – закричала я. – Я звоню в полицию.

Застучала пальцем по темному экрану телефона. Повторить ли ещё раз угрозу? Но донесся смех «золотых» – услышали. Нельзя было их трогать, думала тем временем, но и крик, и дрожь, и уверенность, и страх сами полились из меня. Подняла глаза. Покачиваясь, компания уже шла на меня.

– Ещё одна «серая»? Звони. Сюда иди! – кричала Желтоволосяя.

– Твою ж мать, где ты откопала такую шапку? – подхватывали подружки.

– Хочешь? – спросил Вожак, протягивая сосульку.

В дутой свободной куртке, вязаной шапке с надписью «Palm street»,

открывающей уши, да, обычно шапки носят для того, чтобы уши не продуть и закрыть, но это видимо было раньше. В горчичных высоких ботинках, рваных джинсах, из-под которых виднелись зеленые носки с вышивкой веселого кактуса. «Как подстреленный воробей», – сказала бы бабушка, но ба не понимает – моду не выбирают, а за ней повторяют, поэтому так, как Вожак, одевался каждый второй стильный подросток. От Вожака исходила устрашающая власть, дружки её подкрепляли. Вместе они составляли кучку ляпистых острот – по отдельности не ходили.

– Зассала? Убежишь? – продолжал Вожак.

Бежать – позор. Хоть и верное решение.

– Полиция едет уже, – сказала я почти уверенно.

Двое парней пнули меня ногой. И «золотые», скорчив кислые мины, пошли мимо, выбирая путь между собой.

– Уже не интересно, – сказал Вожак и сплюнул.

Он опустил колено, слепил снежок и запустил в меня. Вот этого я и боялась – снежков. А сосульки даже любила в детстве.

«Золотым» сносило крышу, но и «серых» пайньками нельзя было назвать: они портили золотые пиджаки, кидали петарды им под ноги, рисовали непристойности на плакатах с их лицом, которые висели на входе. Злости хватало каждому с вершок. Школа активно боролась с травлей: «Будьте толерантны друг к другу. И ко всему». Не помогало. Они мне отомстят, думала я, шагая домой и оглядываясь. Но как я могла спокойно с радостью, что на её месте не я, или с презрением, что – вот гады, но просто смотреть или мимо пройти? Это не принимать ли участие?

Я сняла школьную форму: пиджак мышиноного цвета, из тех мышей, что серые; потную белую рубашку, от стирки потемневшую; узкие брюки в округлившихся бедрах. И кинула вещи на пол. До вечеринки «серых» ещё час. С облегчением опустилась в мягкое месиво одеял, укрывая синеватый узор на ногах.

больше белка, пп, качаем ягодичные мышцы раз, два, три

Лежала, согнувшись, как ребенок в утробе, как теплолюбивое растение, мечтающее о любви. А кому не требуется любви в шестнадцать лет? Покажите мне его. Но от потребности неуютное чувство, будто наелась каши я невкусной.

Вырвать хочется, а не могу. И всё там переваривается долго, не дай бог с этим и помру. В рифму? Оказывается, надобно чуть-чуть таланта, чтобы писать прозы и стихи. Открываю секрет – влюбиться. И благодаря дерзкому взгляду Его голубых глаз, даже не на меня. Его небрежности, с которой Он снимал свой золотой пиджак, ерошил светлые волосы, улыбался кому-то, не мне. Слова, не спрашивая, зачем и куда, клубками покатались по листам.

Давай уедем туда, где свет реально чистый?

Где наши слова имеют истинный смысл.

Где край света, островок или горы – выбирай, милый.

Где я смогу вволю подбирать мысль,

А ты искать – причал, идеал, сигнал, власть всласть.

Время к концу учебного года менялось в жидкую субстанцию, не схватить, не остановить, оно текло сквозь пальцы. Если я не увижу Его этим летом – не беда. Он всё равно везде. Соцсети, интернет тому в доказательство. И не надо, мучаясь в бреде, спрашивать себя: «Не придумала ли я Его сама?»

Вечеринка «серых» принесла открытие – Лысый умеет играть на гитаре, а школа об этом и не подозревала, иначе Лысого бы с нами не было. Его музыка одурманила меня сильнее, чем всё за раз выпитое непривычное пиво. Вдобавок, «серых» такими синими я ещё не видела.

и я там была мёд-пиво пила

Чайные свечи горели на полу. Мы сидели полукругом: пели, выли, кричали под гитару: «А ты такая нежная, королева снежная...» Кому преподнести дары за то, что наш класс всё-таки спелся? А то ходили раньше, как унылое говно. О, со мной вообще выходила какая-то история слепоглухонемой. В каком подполье, черт побери, я жила? Раз не замечала обаяния людей, сидящих рядом в классе. Раз пропускала мимо ушей музыкальный тембр голоса побритого парня. И потом, мы с первого класса вместе, как в том фильме. Зачем нам весь мир, если он здесь – сосредоточился на темной комнате. И нет, и не было «серых» ярлыков, надувательства, разводилова золотого. Зачем телефоны, они обиженные лежали в стороне, по привычке не освещали нам лица. Признаюсь, в редкие минуты тишины пальцы вздрагивали, тянулись за ними, но сжимались, как по инерции, ложились

обратно на колени.

Лысый отложил гитару и включил свои сеты – сведенная в специальной программе клубная музыка, которая длилась больше часа. Девочки, разгоняя алкоголь по телу, задвигали плечами, встали, бодро двигая попой.

танцуй, поймав, босанову в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу

– Уберите свечку от задницы Бублика. Он любитель подпёрдывать, – сказал Лысый.

– Смотри, чтоб у тебя волосы не загорелись, – ответил ему тот.

– Игорь, ты поешь так, будто тебе на ухо медведь наступил. Лучше молчи.

– О! Точняк. Пусть будет Медведем, а то у него одного кликухи нет.

– А может тогда – Ухо?

– А мне пофиг – пою я лучше Киркорова. И вчера, кстати, мы дернули «золотых» в хоккей, – радостно сказал Медведь.

– О-о... Не дождалась шайба. «Золотые» выбьют зубы.

Лысый, зеленоглазый, высокий, сидел рядом и так нагло разрушал личное пространство, что я различила в зелени его глаз коричневую крапинку. Он делал большие глотки из стакана и рассказывал, не выговаривая букву «р», что предоставлен самому себе и «серые» могут приходить хоть каждые выходные. Мы знали, что с Лысым жили отец и брат. Первый – работяга и заядлый рыбак ночевал просто дома. А второй владел баром на районе и начинал жизнь без долгов. Но вот почему мама завела вторую семью, когда Лысому исполнилось три года, не знал никто. Даже сам Лысый. Только предполагал: «Разлюбила». Два раза я порывалась встать и тоже рассказать про свою жизнь и стихи. Но молчать – моя любимая профессия. Она сама выбрала меня.

За вечер мама позвонила раз пятьсот и плюс один – по видеосвязи. То ли с непривычки, что дочь не дома, то ли проснулась её сущность мнительной и переживающей мамы. В десять вечера парни разделились, чтобы проводить девочек домой. Я молилась, чтобы со мной пошел Лысый, и в коем веки молитвы были услышаны.

– Дожили, – сказала мама встречая. – И кто это был? Тот, который без